

Идиллия

Автор: Верхоустинский Борис Алексеевич

Борис Верхоустинский

Идиллия

За стеною пробило восемь часов.

Валерий вытянулся и проснулся. Мельком взглянул на клавиши ремингтона на столе, потом заинтересовался узором обоев. Преуморительные кружки -- голубые и красные; как звенья цепи... А в середине черные точки.

Однако, холодновато: проклятая хозяйка, вероятно, вместо дров кладет в печку свои сорокалетние мечты. Негодная баба.

У Валерия похолодел кончик носа, а ноги -- как две ледяшки.

Стал искать носки, -- не находит. Не на стуле ли? Нет: юбка, штаны, кофточка, лиф и жилетка, а носки бесследно исчезли.

-- Неужели под кроватью?

И вдруг взор Валерия останавливается на единственном украшении комнаты -- портрете Бакунина в ореховой рамке.

-- О, разбойница... Она их закинула!

Из-за рамки выглядывает заштопанная пятка носков.

-- Хорошо-с!

Валерий смотрит на розоватое лицо подруги, на кудряшки темно-русой косы, и думает, что не дурно бы ее поцеловать в эти алые губки или в закрытые глаза с длинными ресницами-стрелками, но Маруся поворачивается во сне спиной к своему другу, и Валерий вспоминает бесповоротное решение.

-- Хорошо-с.

Он энергично прикладывает подошвы своих ног к теплым ногам подруги, она просыпается.

Возмущенная, негодующая, разгневанная:

-- Как это глупо!

-- Недостойно мыслящего человека!

-- Ты дурак!

И говорит голосом, холодным, как подошва Валерия:

-- Издевайся! Издевайся... Я ведь слабее тебя.

Потом замолкает, смертельно оскорбленная и надменная, как средневековая принцесса.

Никогда! Никогда она этого ему не простит. Никогда она этого не забудет. Напрасно он ее принимает за какую-то самку, с которой можно все делать. Нет-с, гражданка она... Возьмет сейчас -- оденется и уйдет, и ему не видать ее, как своих ушей!

-- Милая! -- отчаивается Валерий, -- прости: ей-Богу, нечаянно; родненькая, не сердись...

Но нет, -- она нема, как могила.

Совість угризає Валерія: що я наделав! Боже, що я наделав!

Продовжительное молчание, преисполненное терзаний.

Валерий хочет сплутовать, он говорит спокойным голосом, словно ничего не случилось:

-- Какая прекрасная статья в последнем номере журнала... Гм! О синдикатах... Удивительная статья!

Но тщетно: ни звука, ни слова.

Тогда Валерий начинает задабривать разгневанную гражданку...

-- Маруся, хочешь, я вычищу твои башмаки? Они порыжели.

Но нет и нет: вырыта яма, зарыто все прошлое, ласковое и сердечное. Валерий представляет себе, как одевается маленькая гражданка, как она уходит, не попрощавшись с ним, и как он становится одиноким:

"Один! Один! Ужасно ведь это".

-- Не мучай меня, родная, -- умоляет он, а коварная подруженька прислушивается, зарывшись кудрявой головой в подушки, и торжествует.

-- "Любит, негодный, любит!"

Валерий продолжает раскаиваться, и в словах его уже неподдельное горе.

-- Довольно! -- решает оскорбленная принцесса, поворачивается лицом к печальному Валерию и строго произносит:

-- Дай укушу твое плечо.

-- Милая! -- радуется Валерий, мужественно расстегивая ворот рубашки и обнажая плечо, -- валяй.

Грехопадение и искупление греха.

Острые зубки медленно впиваются в тело. Но сладка эта боль Валерию.

...Скоро порвется кожа и брызнет красная кровь. Валерий терпеливо ждет, крепко стиснув зубы и с сияющей улыбкой на лице.

А в Марусе спорят два человека -- сердитый и ласковый, -- оба живут в ее юном сердечке и вечно ссорятся между собой.

-- А вот и укушу-у-у...

-- Больно ему, не надо... хороший ведь он.

-- А зачем обидел?

Но ласковый человек вынимает из кармана носовой платок и собирается заплакать.

-- Какая злая! Какая злая... ай-ай-ай, какая злая.

Белые зубки разжимаются, на плече остается лишь ярко-красный венчик.

Целуются и хохочут. Толстый кот стремительно выскакивает из-под одеяла, где он спал, -- веселая хозяйка дернула его за хвост.

-- Вставай, негодник! Вставай, вороватый кот!

Кот спускается на пол, вскакивает на стул около стола -- и начинает приводить в порядок свой туалет. Лижется-умывается, чистит дымно-серую шубку и белые тифельки, такие округленные, бархатные, но с целой коллекцией острых когтей.

-- А я уже на этого плута подумал, -- говорит Валерий про носки, -- а потом хотел отплатить тебе, когда увидел.

-- Я тебе отплачу! -- смеется маленькая гражданка и кладет голову на грудь Валерия:

-- Рассказывай сказки!

-- Помилуй, родная, пора вставать.

-- Чепуха! Прошу не противоречить. Рассказывай сказки.

И зажмуривает глаза.

Что с ней поделаешь?! -- Валерий гладит шелковую голову подруги и рассказывает ей сказки.

-- Лес... И в лесу темно, и в лесу дикая воля. Глухой-глухой лес. Стучит-гудит, говорит стародавние былины. О кладях, зарытых в древние времена, о серой птице, потерявшей своего птенчика.

-- ...У тебя растут золотые усики, -- шепчет маленькая гражданка, приподняв голову и всматриваясь в лицо своего покорного друга, -- ну, дальше.

-- Шумит-гудит вещий лес: "внуки мои, слушайте древнего меня!" -- Из нор выползают серые волки, а граф-медведь сидит у своей берлоги и почесывает правого лапой брюхо: "слушаем, слушаем, дедушка-Бор!"

-- Кунигунда ждет своего Оскара...

-- Кунигунда ждет своего Оскара, -- задумчиво качают головами волки, а граф-медведь почесывает лапою брюхо и, шумно отрыгнув, важно повторяет: "ждет своего Оскара".

-- Оскара, -- шепчет маленькая гражданка, проводя пальчиком по верхней губе любимого.

-- Но Оскар не приходит, Оскар позабыл. Не гремит железный меч, задевая о сучья, не стучат стрелы в его медном колчане, не стонет хворост под его ногами... "Внуки мои, слушайте древнего меня!" -- Плачет Кунигунда, и вянут цветы от ее горя, и осыпается листва с кряжистых дубов. Оскар позабыл, Оскар не приходит. -- Бедная Кунигунда!.. "Бедная Кунигунда!" -- качают головами серые волки, граф-медведь чешет правую лапой брюхо, а левую утирает горькую слезу.

-- Бедная! Б-б-бе-едная К-к-уни-ггунда! -- всхлипывает он.

-- ...Под раскидистым дубом, на ясной поляне, лежит Оскар со стрелой в широкой груди, и вороны клюют его светлые очи.

-- Внуки мои, слушайте древнего меня -- это было давно...

-- Все! -- смеется Валерий, а его шаловливая союзница задумчиво смотрит в его глаза и шепчет: "Я твоя Кунигунда. Зови меня Кунигундой".

-- Пора вставать, дорогая.

-- Сейчас.

Тут они замечают грабителя-кота, сидящего на столе, около ремингтона, и поедающего оставленное без крышки масло.

-- Черт возьми, он, кажется, хочет все слопать.

-- Мерзкий кот! -- соглашается маленькая гражданка и с горечью сообщает, что это масло предназначалось для манной каши.

-- Прогнать? -- спрашивает Валерий, но она укоризненно замечает ему, что пусть себе, бедный кот, вероятно, голоден.

-- Каждому по потребностям.

-- О, да, -- каждому по потребностям! -- одобряет Валерий, и они добродушно наблюдают за обжорой в дымно-серой шубке.

-- Придется есть кашу без масла.

-- Дорогая! Вторую неделю манная каша... Это скверно.

-- Очень скверно! -- хохочет Маруся. -- Как маленькие дети... Их тоже ею откармливают...

-- Надо что-нибудь придумать.

-- За переписку еще не скоро, -- грустно вздыхает маленькая гражданка. -- Нет сахару...

-- И табаку.

-- И булок...

-- Безобразие!

-- Да.

-- Надо что-нибудь придумать.

-- Надо, родной, обязательно надо.

Маруся с озабоченным видом перегибается через Валерия, берет со стула его брюки и смотрит на свет.

-- Знаешь, совсем протерлись...

-- Это худо! -- со стоическим спокойствием отвечает Валерий, и они задумываются.

Кажется, попали в тупик: есть руки, -- работы нет. Месяца три тому назад Валерия прогнали с места, -- он был конторщиком.

Приходится круто.

Вдруг, -- богатая мысль.

Валерий вскакивает с кровати и подходит к столу. Прожорливый кот подозрительно взглядывает на него и думает: -- не убежать ли? -- но, в конце концов, решает, что не стоит, и хладнокровно продолжает вылизывать масло. Эге! Вероятно, этот кот -- коммунист, не только по натуре, но и по убеждениям.

А Маруся покатывается с хохоту.

-- Валик! Ты сейчас страшно похож на покойника: белый весь.

Но Валерий торопливо перелистывает рукопись, которую дали переписывать маленькой гражданке, и что-то соображает.

-- Эврика! -- победно возглашает он и снова возвращается на кровать.

-- Нашел!

-- Ну? -- нетерпеливо недоумевает Маруся, -- говори же скорей.

-- Мы тоже напишем...

-- Что?

-- Рукопись, большую рукопись со многими строчками... После этого мы получим много денег, купим сахару и, кроме того, будем обедать, а манную кашу ко всем чертям!..

-- Вот видишь ли! -- наставительно замечает Маруся, -- я всегда говорила, что не пропадем, а ты уже начал ныть. Возьмем и напишем.

-- О, да! Возьмем и напишем! -- восторгается Валерий, целуя маленькую гражданку в алые губки, -- да еще как напишем!

Торжественная тишина, за стеной бьет полчаса девятого.

-- Итак, начнем.

-- Знаешь, милый, что-нибудь философское, чтобы не всем было понятно, -- задумчиво предлагает Маруся, решительно сдвинув свои густые брови.

Но Валерий с этим не соглашается, и она, разубежденная, уступает.

-- Ну, тогда кое-что о Сервантесе.

Они обдумывают "кое-что о Сервантесе".

-- Сервантес был вдохновенный человек! -- глубокомысленно начинает Маруся и морщится, -- а потом о Дон-Кихоте и... положи под мою голову свою руку, так будет удобнее.

Они снова задумываются. Сперва Маруся настойчиво размышляет о Сервантесе, но постепенно ее мысли переходят к манной каше, которую они уже вторую неделю питаются. Если бы еще на молоке, а то на самой обыкновенной воде...

-- Плохо, Валик.

-- Да, плохо.

-- Не написать нам большой рукописи.

-- Не написать.

Становится грустно.

Но двигается неуклонное время и толкает в соседней комнате маятник часов.

-- Девять.

* * *

-- Моя Кунигунда!

-- А ты -- мой Оскар!

А Оскар стоит на коленях перед своей Кунигундой и застегивает ей башмаки.

-- Ага! Оторвал пуговицу... Целуй руку, негодяй...

Он отрывает еще одну пуговицу, чтобы быть снова наказанным, но ошибается -- Кунигунда треплет его за ухо:

-- Пришей, сейчас же пришей!

Валерий снимает башмак, садится на стул, возится с нитками и иглой, а нетерпеливая Кунигунда торопит.

Наконец, все исправлено -- башмак надет; жирная хозяйка приносит ярко начищенный самовар.

Все есть: стакан, чашка, два блюдечка и одна ложка; кроме того, в коробке из-под конфет целая четвертка чая. Однако, сахару нет и булок нет, но человеку дана находчивость.

-- Знаешь, Валик, у нас есть плиточка зеленого сыру.

-- Ого! -- удивляется Валерий.

-- Ну, да, вместо сахару... Очень питательно.

И они, весело балагуря, пьют чай, закусывая питательным зеленым сыром, потому что не унижаться же перед хозяйкой, не просить же у нее в долг. Нет! Нет! К черту просьбы, к черту все одолжения.

Самовар презрительно пофыркивает и надменно отдувается белым паром.

-- Хоть бы улететь куда на воздушном шаре! -- грустно говорит Маруся, потому что зеленый сыр с чаем все-таки мерзкая штука.

-- Да, родная, -- нахмуривается Валерий, и Маруся видит, как появляется злая-злая складка на этом белом лбу, который она так любит целовать.

Дело не в сыре, а в том, что мешают жить и любить.

Тоскует Валерий.

-- Не горюй, Валик, ты сегодня найдешь работу: я это чувствую.

-- Да, работу... Может быть, достану работу.

Валерий надевает потертую пальто и идет к дверям. Но ему не хочется расставаться с подругой, он останавливается в дверях, колеблется.

-- Лапу, -- наконец, произносит он, -- лапу, разбойница.

-- Уходи, Валик; будет лизаться, -- тихо говорит Маруся своему другу, снимая с его пальто какую-то

соринку, и подталкивает его к дверям, -- да, ну же, какой лентяй! Еще увидимся -- не в последний раз...

-- Ухожу, ухожу, родная, -- не скучай без меня.

-- Вот выдумал! Ты мне и так надоел хуже горькой редьки, -- смеется Маруся, потом строго грозит пальцем и полусерьезно запрещает перемигиваться со встречными женщинами.

-- Маруся! -- обижается он, она краснеет и смущается:

-- Ну, ну... я это так... на всякий случай...

Выталкивает его за дверь. Оставшись одна, долго смотрит в окно на крышу соседнего дома и задумчиво щелкает по подбородку пальцами, потом садится за стол, роется в рукописи -- находит место, на котором остановилась вчера, и начинает постукивать ремингтоном.

* * *

А Валерий бродит по улицам грохочущего города и продает свои молодые руки. Кругом высокие дома -- как каменные гробницы; сверху свинцовое небо, такое пасмурное и тяжелое. Вот-вот оно рухнет и прикроет свою громадою хлопотливых людей, зверей-тружеников, и эти высокие дома-гробницы.

-- Вам, кажется, надо приказчика?

-- Да, надо, -- отвечает старик с окладистой бородой.

-- Может быть, я?..

-- Где раньше служили? -- сухо спрашивает старик, не отходя от конторки и мельком взглядывая на Валерия. -- Есть рекомендации?

-- К сожалению, -- мнется Валерий, но старик нетерпеливо его прерывает:

-- А залог?.. Что?.. И залога нет?.. Нет, не годитесь.

Валерий раскланивается и идет дальше.

Курить! Курить! -- смертельно хочется курить.

Останавливается у витрины писчебумажного магазина. Рядом с ним какой-то подросток-гимназист пожирает глазами открытку с нагой женщиной. Он впился в ее бесстыдно торчащие груди и, вероятно, целует эти покатые плечи, быть может, и белый, что кипень, живот.

-- Вы курите, дорогой?

Гимназист вздрагивает и отчаянно краснеет:

-- Да, да, да!

-- Я тоже курю, -- грустно сообщает Валерий; гимназист догадывается -- в чем дело, и поспешно вытаскивает из кармана сиреневого пальто портсигар.

-- Не угодно ли?

-- Благодарю. Простите, что потревожил.

Гимназист вторично краснеет, словно опущенный в кипяток рак, а Валерий закуривает папироску и шагает дальше.

Какое наслаждение! Он втягивает в свои легкие струйки табачного дыма, он смакует его, как закоренелый пьяница вино, -- его голова слегка кружится, но это так приятно.

Но, Боже мой, не унился ли он?

Валерий волнуется и с видом кающегося грешника бросает папироску на асфальт тротуара. Но потом порывисто нагибается, поднимает ее, очищает от приставшей грязи и снова затягивается опьяняющим дымом.

-- Слава Богу! Не подмокла... А ведь рядом, рядом маленькая лужица в выбоине.

-- Да и то сказать, в сущности, никакого унижения здесь нет. Болезненное самолюбие! Глупая

щепетильность! Все он не просил, а лишь намекнул, и кому -- мальчику: у молодых еще хорошие сердца, от них можно. Наконец, он поступил, как джентльмен с этим гимназистом. Другой ударил бы по плечу и оскорбил: "что вы здесь делаете, почтенный?" Да, да, бывают ведь такие нахалы.

Валерий успокаивается и с легким сердцем докуривает папиросу.

И опять:

-- Купите руки! Купите труд.

Но их никому не нужно.

Проехало открытое ландо: какая-то красавица в атласе и с золотыми браслетами на смуглых руках, а рядом с ней кругленький господин в цилиндре и, кажется, с гвоздикой в петличке.

Валерию вспоминаются столбцы объявлений, где разные господа с беззастенчивостью продажной девки предлагают для использования свои упитанные тела.

-- "Молодая вдова, скучающая в одиночестве".

-- Или так: "Красив, шатен, хорошо обеспечен... Предъявителю такой-то десятирублевой кредитки".

Валерий злобно усмехается и гордо поднимает свою рыжую голову. Навстречу шагает сухощавый субъект в пальто шоколадного цвета и пуховой шляпе. Валерий слышит, как стучат по асфальту его франтовские башмаки с лакированными носками, и видит золотой набалдашник трости, которую франт держит за спиной.

-- Дорогу! -- Валерий подходит к нему вплотную и угрожающе смотрит в бессодержательные глаза.

-- Дорогу! -- Горят щеки, они окрашены яростью, по телу пробегает дрожь бешенства, а правой рукой Валерий крепко сжимает в кармане семизарядный револьвер. Как-никак, а сейчас он весело улыбнется... Посторонится франт или нет -- это все равно. Раз, два...

-- Послушайте! -- возмущается франт, Валерий сверкает глазами и мысленно считает:

-- Три... -- но шоколадное пальто трусливо смешивается со снующею мимо толпой и исчезает.

Секундой позже, и Валерий бы его ухлопал, с радостью бы ухлопал, потому что зол, как цепная собака.

Торжество победителя.

Но и тихое сердце говорит:

-- Не совсем-таки хорошо...

-- Не хорошо...

-- Совсем даже не хорошо...

...Черные думы и мысленные плевки в самого себя.

Валерий проходит мимо блестящих рядов богатых магазинов: высокие зеркальные стекла, замысловатые вывески, витрины, заваленные разным добром. Вот здесь продают слоеные пирожки, нежные, как сказки Шехеразады, -- они тают во рту, словно снежинки на щеках молодой девушки. А торты? Шоколадные торты, стоящие в такой задумчивой позе? -- Неправда ли, они похожи на ассирийских мудрецов, созерцающих бесконечность?.. Или вот здесь -- эти солидные окорока... -- Ломтик ветчины, помазать горчицей, на хлеб... и... хе-хе-хе! Прекрасная штука.

-- Хочется жрать.

-- Да! да! так и надо было этого прохвоста... Почему плохо? -- Ерунда. Леня, а то еще раз проделал бы такую же штуку.

Валерий останавливается у витрины магазина и злобно рассматривает черные сюртуки на краснощеких манекенах и бальные дамские наряды.

-- Гм!

Многозначительный кукиш.

Валерию вспоминается один флегматик. Когда у него изнашивалось платье, он заходил в магазин и выбирал самое лучшее. Старое он оставлял купцу на память, а новое одевал и, посмотревшись в зеркало, беспечно направлял свои стопы к выходу.

-- Господин! -- изумлялся купец.

-- Что вам угодно? -- повертывался тот.

-- Денежки-с?

Но флегматик сообщал тогда: денежек у него не имеется, а платье нужно.

-- Я увидел, что у вас много, и зашел...

Купец начинал горячиться, как задорный петух, и багровел от возмущения, но тот медленно вытаскивал из кармана браунинг, молча показывал его и удалялся с сознанием собственного достоинства. Гениальный способ пополнения своего гардероба, но -- увы! -- несть пророка в своем отечестве: вместо лаврового венка его наградили пеньковым галстуком.

Струйка шутивого настроения. Валерий усмехается и продолжает путь дальше.

-- Да-с, черт возьми, есть еще смелые люди.

Вдруг перед ним встает сцена с шоколадным пальто, и Валерий с гордостью думает, быть может, и он -- смелый:

-- Плевать на работу: нет и не надо...

-- А если завтра? Если еще поискать?

-- Ну, хорошо! Поищем и завтра, а на сегодня довольно.

Усталость и равнодушие. Валерий медленно пробирается к скверу с жиденькими деревцами. Садится недалеко от входа на низенькую скамью. Рядом какая-то барышня, очень похожая на его Маруську, такая же славная. Сидит с портфелем "Musique" и что-то задумчиво вычерчивает концом зонтика по песку. Вероятно, поджидает кого-нибудь на свидание.

-- Ага! Она вычерчивает маленький домик... Но -- зачем же такая большая труба?

Валерий не выдерживает:

-- Бога ради, не такую трубу: она портит весь рисунок.

Барышня поднимает на него откровенные глазки и колеблется:

-- Вы думаете?

-- Да! да! пожалуйста, сотрите верхушку.

Ах! -- какая она бестолковая, -- Валерий морщится и с досадой наблюдает за движением зонтика. Ну! Теперь труба стала кривой. Возмутительно!

-- Крива! Крива теперь! Понимаете -- крива! -- раздраженно бормочет он соседке, она послушно исправляет, потом снова взглядывает на него и усмехается:

-- Вот комик... как вас зовут?

-- Валерием.

-- А... а, это хорошее имя... -- И замолкает.

Так они сидят с полчаса: ничего не говоря и лишь поглядывая на рисунок. Наконец, он окончен -- прекрасный маленький домик, даже с крыльцом и псиной будкой. Тогда Валерий подымается и молча подает барышне руку. Она ее крепко пожимает и долго провожает глазами незнакомца в потертом пальто.

Затем подходит юноша, которого она любит.

-- Какой ты скучный, -- встречает она его, недовольно разглядывая, сейчас я познакомилась с одним милым человеком. Как он занимательно говорит, но, кажется, у него горе.

Юноша надувает губы и сердится.

А Валерий идет тихим шагом приговоренного к казни, потому что в его душу вошло отчаяние.

Опять день... Опять прошел день, и опять никому не нужны эти подлые белые руки. Сегодня -- завтра: все равно... Э-эх! Уж погибать, так с треском.

-- Стать смелым!

-- Не хочу я, чтобы Маруська голодала...

Крутую лестницей, грязной и темной, взбирается он, машинально считая ступени и прислушиваясь к звуку своих шагов. Звонит, ждет, ленивой походкой проходит в комнату, где Маруся постукивает ремингтоном, и с озлоблением швыряет пальто на кровать.

-- Опять ни черта!

-- Брось, родной; соскучилась я без тебя...

Обнимает его ласковыми руками.

-- Валик! Давай варить кашу, ее еще фунтов пять осталось.

-- Давай.

За окном копошится город, переваривая в своей утробе людей и зверей-тружеников.

* * *

Ремингтону -- вечная память: продан и унесен.

-- Валик! -- говорит Маруся, -- мы это время, как маленькие цари.

-- Да! Это верно: как маленькие цари.

Пир на весь мир: комната утопает в табачном дыму, пытит -- отдувается белым паром пузатый самовар: есть и табак, и сахар, и булки, и даже целая дюжина пирожных. А обжора в дымно-серой шубке валяется на кровати и благодушествует: понабил-таки он свое грешное чрево, плотненько понабил; кудрявая хозяйка третью неделю угощает его прекрасным сырым мясом, о котором он и мечтать было перестал. Он его терзает, как тигр-победитель добычу; ворчит, будто скряга над золотом, наконец, впадает в сладостное забытие. Словно сквозь розоватую дымку видит он пузатый самовар, лампу с голубым абажуром и лица своих покровителей, но отяжелевшие веки смыкаются, и, умиленно мурлыча лирическую песенку, он засыпает. Прекрасное житье и прекрасные люди -- молодые хозяева!

Благодушествуют и они.

-- Давно надо было, Валик, так сделать. Я поступлю машинисткой и гораздо больше заработаю.

-- Ну, конечно, -- соглашается Марусин друг. Право, ему сейчас ни о чем не хочется думать... Все уладится и будет прекрасно.

Потом они читают. Спорят, горячатся и перебивают друг друга, но это ведь так приятно, потому что "я" и "ты" -- это "мы". Тихонько-тихонько наблюдают друг за другом и радуются...

Какая упорная, какая настойчивая головка.

-- Маруська! Я оттреплю тебя за косы...

И смеются:

-- Попробуй!

А за стеною зловещая вьюга, настала скучно-белая зима. Вьюга напевает свои дикие песни -- о увядших цветах, о печальном кладбище, где зябнут в гробах мертвецы.

Постепенно смолкают радостные споры и беспечный смех.

-- Мне страшно.

Маруся садится на колени к Валерию и крепко его обнимает, склонив свою темнорусую голову на его

плечо.

-- Воеет... воеет... И так уныло. Она, как злая старуха: сидит и проклинает.

-- В лохмотьях...

-- С гнилыми зубами...

-- Оставь! -- хмурится Валерий, -- пойдем спать, Марусик.

И бережно переносит ее на кровать.

-- Я тебе расскажу хорошую-хорошую сказку: сейчас придумал. Про светлое озеро и двенадцать лебедей. Белых лебедей с золотыми коронками на головах. Ты хочешь, моя Кунигунда?

Но темен страх и полна душа смутной тревоги.

-- Я не хочу быть твоей Кунигундой: Оскар ведь на ясной поляне.

-- Брось, родная, брось... Вот я целую твои ножки, потому что ты мое солнышко... Понимаешь это, Маруся? А?

Тиха душа у Валерия -- незлобив он и мягок, и много в его сердце нежных слов для любви.

-- Люблю тебя, милый... Иногда мне кажется, что кругом табуны диких зверей -- грызутся и щелкают клыками, -- а ты поднял меня и куда-то уносишь... Родной мой!

-- Вот длинный-длинный туннель... Темно в нем и где-то сокрыта в нем бездна. Мы идем ближе, ближе... И вокруг темно, и впереди бездна... Мне страшно, милый!

Маруся думает о машинке. Есть нечто тайное в вещах, как в человеке душа, полное безмолвного смысла и неуловимое. А у человека к этим вещам есть нечто, более глубокое, чем привычка.

-- Не надо, Маруся, перестань. Уладится, -- говорит Валерий, обнимая ее. Но и сам он тоскует, и в мысли его входит отчаяние.

Приближается Голод -- слепой и прожорливый, не щадящий ни стариков, ни белоголовых детей: Голод безжалостен.

Не щадит он и любящих...

-- ...Слушай, Маруся: жили три брата, три витязя. Ты слышишь, Маруся?

-- Слышу, -- уныло и как-то по-детски лепечет она, прижимаясь к своему верному другу.

-- ...А с ними сестра, -- продолжает Валерий, -- очи, как звезды, черные косы -- до пят.

...Тоскливая тишина. Маруся молчит, уткнув свое лицо в подушку, потом также молча приподнимает голову, ее алые губы ищут губ Валерия, находят и сливаются в томительном поцелуе.

-- Никому не отдам... мой ты, мой, мой! -- с тоскливой упорностью шепчет она, но вдруг что-то обрывается в ней, и она начинает безутешно плакать. Теплые росинки-слезы падают на лицо Валерия и высыхают, снова падают и снова высыхают. И великая любовь пробуждается в сердце Валерия -- к ней, все же такой слабенькой и близкой -- неразделимой с ним, Валерием.

"Мужчина я!" -- говорит он себе и думает о "нем". У него семь плевков, а каждый плевок сама смерть. Стать смелым и кровавым; завоевать свое право любви! Так! Так!

-- Валик, родной, брось его, продай. Я знаю, что ты думаешь все эти дни. Ты попадешься... Мы достанем работу, много работы, оба достанем, непременно достанем, -- ведь у нас еще есть время, родной! -- беспомощно лепечет Маруся, Валерий усмехается и ничего не говорит. Не видит, нет, но знает она, что он усмехается, и снова теплые росинки-слезы сбегают на лицо Валерия и высыхают там.

Много страдания.

Но вот жгучие ласки и бесконечные поцелуи.

Бурлит в жилах кровь, потому что она молодая, и уплывают в неизвестную даль и мир, и Завтрашний День, --

все, все.

Но стучит косматая Вьюга в окно костлявыми пальцами и поет странную песню.

Валерий прислушивается и кажется ему, что она поет про волка, любившего волчицу:

Волк любит волчицу. У-у-у! Волк любит волчицу. У-у-у!

Поляна... Искристо-белые снега и бледная луна. Волк и волчица идут к селу согреться чьею-то теплою кровью, потому что холодно -- холодно...

Протяжно воют.

* * *

Маруся спит, а Валерий гладит ее шелковистые волосы и думает...

-- Кровь? -- пускай! Все равно... Удастся -- и они уедут далеко-далеко...

Источник текста: "Рассказы" т. 1, 1912 г.

Исходник здесь: Фонарь. Иллюстрированный художественно-литературный журнал.